

«Всемирный следопыт»

№02, 1930

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445

«Всемирный следопыт»: №02, 1930 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 84 с.

ISBN 978-5-458-68256-5

"Всемирный следопыт" - советский журнал путешествий, приключений и научной фантастики, издававшийся с 1925 по 1931 годы. Журнал публиковал приключенческие и научно-фантастические произведения, а также очерки о путешествиях. Журнал был создан по инициативе его первого главного редактора В. А. Попова и зарегистрирован в марте 1925 года. Издавался крупнейшем московским негосударственным издательством "Земля и фабрика". В журнале печатались такие авторы, как А. Конан-Дойль, Н. Шпанов, М. Зуев-Ордынец, В. Ян, В. Ветов, А. Линеvский, А. Платонов и другие. Такие произведения Александра Беляева, как "Последний человек из Атлантиды" и "Остров погибших кораблей" (1926), "Человек-амфибия" (1928) и многие рассказы, впервые были опубликованы в этом журнале.

ISBN 978-5-458-68256-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дальневосточный рассказ В. Белоусова

Рис. худ. А. Пржедлавского

I. Странный рыбак.

Северный ветер летит над молодыми темнозелеными, набирающими соки степными травами, над глухо и скучно шумящей осокой. Ветер падает в озеро. Оно лежит за осокой, мутное, желтое, беспокойное. Грязные волны вскидываются на его поверхность, бегут к берегу, отплываясь серой слюной, спешат навстречу ветру в осоку и нетерпеливо теребят ее длинные стебли, смывая с них желтую пыль. Волны прячутся в осоке от ветра. Постепенно озеро переходит в болото. А чуть дальше—уже степь, взгорбленная холмами, влажная, пахнущая недавно оттаявшей землей и сладким весенним запахом гнили. Неизвестно, где в осоке кончается озеро и где начинается степь. Над озером и степью весеннее солнце борется с северным ветром. В широких падах побеждает солнце, на озере и вершинах сопок—ветер.

Пусто. Ни одной деревушки не видно в степи. Только из-за осоки поднимается несмелый дымок и, подхваченный ветром, лоскутами уносится в озеро. Дым поднимается над маленькой хижинкой, грязной и убогой. Стены ее сплетены из камыша и обмазаны глиной. Плоская земляная крыша провисла и пообсыпалась. Желтые весенние цветы кустиками выросли на ней. Они зацвели на крыше раньше чем в степи. В хижине есть только дверь, неуклюжая и чересчур узкая. Окон нет. Вместе них дыра в толщину руки под самой крышей.

Перед избушкой стоит человек и, наклонившись, распутывает сеть. У него широкая сильная спина. Он без шапки, и ветер тщетно пытается расчесать его спутанные рыжие волосы.

Быстро распахивается дверь, и из хижины на порог выбегает девочка лет пяти. Она босиком, платье на ней грязное

и рваное. Ухватившись за дверную ручку, она смотрит на спину отца черными испуганными глазами. Тот поворачивает к ней тяжелое морщинистое лицо, еле различимое под ключьями рыжих волос, растущих не только на подбородке, но и на щеках и около ушей, взглядывает на нее и говорит резко и хрипло:

— Не приставай, все равно не возьму...

Потом он идет к озеру, шлепая по болоту сапогами.

В осоке спрятана лодка. Человек складывает в нее сеть, влезает сам и, упираясь веслом, с трудом вытаскивает лодку из осоки. Волны шлепаются в низкие борта и обрызгивают смелого человека, решившегося в бурю выехать на рыбную ловлю. Волны набегают на берег, отражаются от него, сталкиваются друг с другом. Волнение превращается в бессмысленную толчею и несуразную пляску взбесившейся воды. Лодку нелепо кидает из стороны в сторону.

Но человек не обращает внимания на бурю. Он сидит твердо на низкой банке и гребет короткими сильными толчками. И только когда озлобленная волна с харканьем и шипеньем низвергает на него целые ведра брызг, человек вздрагивает и стряхивает с себя воду, по-собачьи быстро дергая плечами.

Он часто поворачивается на сиденье и смотрит через прыгающий нос лодки влещед. Глаза его беспокойно осматривают берег, выискивая что-то. Лодка уже миновала несколько заливов, где можно было бы в относительной безопасности бросить сеть. Но рыбак повидимому забыл о ловле. Он все гребет и гребет вдоль берега.

Проплыв так километра три, он резко поворачивает лодку, как будто намереваясь направиться через озеро к противоположному берегу, холмы которого еле различимы за двадцатью километра-

ми грязно-желтой бушующей водной мути. Но в следующую минуту рыбак складывает весла и встает в лодке во весь рост, вглядываясь в прибрежные сопки. Он смотрит долго. Ветер и волны поворачивают лодку. Рыбак бормочет что-то, садится и принимается грести так сильно, что вода клокочет за бортами; одна морщинистая волна долго пытается догнать лодку, но, утомившись, бессильно расплывается далеко за кормой.

Через час лодка пристаёт к длинному мысу. Человек, соскочив на берег, ждет пока большая волна поможет ему втащить лодку на отмель. Потом, раздвигая осоку, он выходит в степь и быстро идет к сопкам, настороженно оглядываясь по сторонам.

II. Два контрабандиста

Фу-Хе только что покончил с четвертой грядкой и решил, что пришло время отдохнуть. Он натянул на мокрые ноги синие полотняные штаны, снял широкополую соломенную шляпу, прорванную во многих местах, и, вскарабкавшись на склон сопки, с удовольствием растянулся на чахлой лужайке.

Он сразу заснул. Ему приснилось озеро, большое и гладкое как стекло. По озеру идет лодка, доверху нагруженная рисом. Лодкой управляет он, Фу-Хэ, хозяин всего этого риса. Солнце яркое-преяркое. И такие же яркие одежды у людей, пришедших на берег встречать Фу-Хэ. Пришла его жена с грудным ребенком на руках; она так жирно намазалась в этот день бобовым маслом! И даже ребенок лоснится от жира. Пришел Ли-Тунь, пришел старый Лян. А за ним еще так много народу, что невозможно разобрать лиц.

Когда он подплывает к берегу, все кланяются и смотрят на него очень почтительно. Вокруг шепчут:

— Фу-Хэ большой хозяин... Он привез целую лодку риса... Хо! Жена его теперь будет иметь много опиума.

Фу-Хэ достает из кармана горсть маленьких белых монет.

— Кто тебе дал столько денег, Фу-Хэ?

Он смотрит на земляков гордо.

— Макысимыка дал. За то, что я ходил иногда для него в Китай и приносил

ему разные вещи. Макысимыка дал мне много денег...

... Вдруг все пропало. Над спящим корейцем кто-то кричал грубым голосом:

— Эй, ходя! Вставай! Скоро тебе совсем спать не придется. Ну, живей!

Кореец открыл глаза. Над ним стоял рыжий лохматый человек.

— Дрыхнешь, чорт?—ворчал он.

Фу-Хэ вскочил на ноги и затараторил:

— Макысимыка... Макысимыка...

— Не юли!—сердито оборвал его рыбак.—Говори, видел ты новых людей в степи?

Кореец удивленно заморгал.

— Моя... Новая лодка?..

И вдруг, сообразив что-то, снова заторопился.

— Моя лодка знай нету, Макысимыка...

Моя мало-мало рису, мало-мало воды... Ковыряй надо, работой надо... Рису сажай, детишки кушай. Макысимыка...

Максим рассеянно смотрел в сторону.

— Спирт есть?—вдруг спросил он.

Кореец колебался.

— Какой новый человек есть? Где заимка?—допытывался он у Максима.

Тот нехотя показал рукой.

— В Черной пади... Палатки...

Фу-Хэ начал было снова жаловаться на то, что ничего не знает, что его дело—только рис, который детишки будут «мало-мало кушать», но Максим шагнул вперед, сдвинул голову корейца в своих огромных ладонях, покрутил ее из стороны в сторону и прохрипел:

— А я за что помогал тебе рисовое поле разбивать, а? Давай спирт!

Как только кореец почувствовал свою голову свободной, он подхватил шляпу и с удивительной быстротой скрылся за сопкой. Максим сел и закурил трубку.

Фу-Хэ вернулся очень скоро. На плече он нес высокую круглую корзинку. При его приближении Максим поднялся, молча взял корзинку, сунул ее под руку и шагнул к лодке. Кореец бросился за ним.

— Макысимыка!—растерянно бормотал он,—Мало-мало денюга... Макысимыка!.. Давай денюга...

Но Максим шел, сурово нахмурясь, и не отвечал. А когда он был в лодке и Фу-Хэ попытался его задержать, уцепившись за борт, Максим поднял весло и наотмашь ударил корейца по голове...

III. Новые люди.

Перед большой палаткой датского типа крупно шагал высокий молодой человек в крагах и белом костюме. Он суетливо жестикулировал и был видимо взволнован.

— Я не понимаю, Алексей, как я сдержался и не обругал этого инженера Кругликова идиотом или малайским попуга-

строительство? А двести тысяч гектаров отведенных под поливные культуры и прежде всего под рис? Ведь только ребенок не знает, что с гектара можно снять четыре, а то и пять тонн урожая, а это дает чистого дохода триста пятьдесят рублей. И идут эти деньги не в руки каких-нибудь предпринимателей, а нашему советскому государству.

Максим поднял весло и наотмашь ударил корейца по голове.

ем!—обращался он к другому человеку, еще моложе его, сидевшему на корточках у палатки и старательно протиравшему бинокль.—Сказать, что ирригационные работы на озере—самые обыкновенные работы, чуть ли не поливка городского сада перед праздником! А? Ведь это же не голова, а стропила? Такую голову надо разрубить и посмотреть, что в ней такое лежит. Три кило тухлого жира? Поливка! Ха! Ну, а полное изменение всего хозяйственного облика района? А четыреста тысяч гектаров пустующих земель, вовлеченных в ирригационное

Сидевший у палатки поднял голову.

— Успокойся, Николай. Проект утвержден, и мы начали работу. Мы делаем нужное дело. Помнишь этого старика-переселенца? Он говорил: «Помогите нам уйти от жита и овса. Мы хотим разводить рис, бобы, свеклу. Этого требует климат и интересы нашего государства».

Николай кивнул с улыбкой, но сейчас же снова нахмурился.

— Я еще не знаю, что приготовил нам этот Кругликов. Ведь он вел предварительное исследование местности! Но при его отношении к делу не малых ошибок

можно натворить. Мы должны быть готовы ко всяким сюрпризам...

— Кто-то живет вот там на берегу,— сказал Алексей, глядя в бинокль.—Я вижу избушку.

Николай равнодушно поглядел в ту сторону, куда показывал товарищ.

— Рыбак наверное,—сказал он,—или... контрабандист.

От других палаток, стоявших несколько поодаль, бежал человек в белом платке на голове. Он размахивал большой ложкой и кричал на бегу:

— Товарищи инженеры, обедать!

И, шагая к кружку людей, уже собравшихся вокруг разостланного на земле брезента, главный инженер ирригационного строительства Николай Иванович Карасев счастливыми глазами оглядывал степь, тускло блестящее на солнце озеро и говорил помощнику:

— Это будет замечательно, Алексей! Мы построим на берегу озера десять насосных станций. Мы изрежем всю вот эту нетронутую землю сотнями каналов. Насосы будут перекачивать воду из озера на поля... Через три месяца будет готово первое опытное поле, и...

— ...и мы с тобой станем настоящими плантаторами,—подхватил Алексей.

Он нахлобучил шляпу, надул щеки и сделал свирепые глаза, изображая плантатора. Это вышло у него так комично, что Николай расхохотался во все горло.

Когда молодые люди подошли к обедающим, сидевшие потеснились, давая место. И по тому, как перешучивались рабочие с Карасевым и его помощником, было видно, что все эти люди составляют одну дружную семью.

IV. Враги.

Три дня Максим не отходил от своей избы. Он залезал на крышу и наблюдал оттуда за людьми, так неожиданно появившимися в пустой степи. Он видел, как ездили они группами в несколько человек верхом по сопкам, спешивались на вершинах их и словно что-то искали.

«Планты снимают» — злобно думал Максим.

Потом всадники спускались в падь, пропадали из виду, но скоро снова появлялись на других сопках.

Один человек в белой шляпе долго ходил по осоке, хотел было пройти к озеру, но увяз в болоте. Сбежавшиеся на крик люди еле-еле вытащили его на берег. Максим этому происшествию был рад. Он не знал, что нужно пришельцам в степи, но чувствовал, что без них ему было бы лучше.

По вечерам в лагере горел большой костер. Если не шумела осока, Максим слышал смех, крики и один раз ему показалось, что там поют. В темноте украдкой рыбак подходил к лагерю и смотрел. Он видел веселые смеющиеся лица. Люди ходили из палатки в палатку, окликались друг друга, во многих палатках горели свечи, и большие тени ползали по освещенным изнутри стенкам.

Был день, когда над каждой палаткой повесили маленький красный флажок, а вечером все население лагеря собралось вокруг того самого человека, который тонул в болоте. Человек что-то рассказывал, все смотрели на него так, точно глазами старались поймать его слова. Еще позднее в лагере поднялся необыкновенный шум. Люди кричали, пели, бегали, прыгали друг через друга и бросали в небо цветные горящие звезды. Максим не знал, что и подумать...

Когда начинали одолевать комары, он уходил к себе в избу и затыкал тряпкой дыру, служившую окном. Девочка в это время уже спала. Но пока он стаскивал сапоги, она всегда просыпалась и спрашивала:

— Тятка, ты зачем маманьку сжег?

И, не дождавшись ответа, продолжала:

— Я тебя тоже сожгу.

Когда она снова засыпала, Максим на цыпочках обходил избу и прятал к себе под подушку спички, если они ему попадались. Его дочь сошла с ума год назад, после пожара, уничтожившего прежнюю заимку. Тогда в огне погибла жена Максима, пытаясь спасти остаток своего «приданного» — пуховую подушку.

* * *

На третий день Максим был напуган сильным грохотом, вдруг раскатившимся по степи. Грохот шел со стороны сопки. Из-за них поднимался высокий столб пыли. В этот день люди больше не

ездили по сопкам. Максим не мог дольше сдерживать своего любопытства. Он взял пару удочек и уехал в озеро. Через два часа у него в лодке лежали шесть небольших сазанов. Решив, что этого хватит, он вернулся, взвалил рыбу на спину и смело зашагал в лагерь.

Его встретил у палаток человек в белой шляпе. Он приветливо пошел навстречу Максиму:

—Здравствуйте!

Максим остановился в нескольких шагах и молчал, нахмурившись.

— Вы живете на озере?—спросил инженер.

И, подождав немного, продолжал:

— Нам нужна лодка. Мы как-нибудь возьмем ее у вас. Ведь вы рыбак?

Максим протянул рыбу:

— Купите!

Карасев не стал торговаться. Осмелев, Максим спросил, кивнув головой в степь:

— Что там гремит?

— Это мы рвем сопку,—спокойно объяснил инженер.— Достаем камень, чтобы строить здесь дом. Хотите посмотреть?

Вместо ответа Максим молча повернулся и пошел прочь. Но через несколько шагов остановился и через плечо неожиданно спросил:

— Вам... спирт нужен?

— Спирт?—установился на него инженер.— Это что же, из Китая?

Максим быстро пошел к заимке. Карасев посмотрел ему вслед и подумал: «У нас будет враг. В такой пустыне это неприятно».

V. Степь живет.

Работы шли полным ходом. Лагерь напоминал улей. Только что пришел из города первый караван со строительными материалами, и они горами лежали вокруг палаток, прикрытые брезентом. Подрытники работали не покладая рук. Все новые и новые скважины вонзались в скалистое тело сопки. Когда динамитный патрон бывал заложен, десятник скидывал голову и кричал:

— Берегись!

И три десятка людей, копавшихся у подножья сопки, кидались в сторону, прячась за камнями, земляными насы-

пями и в специальных рвах. Десятник взбегал на соседнюю сопку и командовал оттуда с таким видом, словно в его подчинении была целая батарея:

— Огоны!

Ахающий взрыв потрясал степь, фонтаны камней и пыли взлетали на десятки метров, падая обратно чудовищным градом. Грузно шлепались на землю крупные осколки, и кусок скалы в пару тонн весом медленно и неуклонно полз вниз по склону холма, а навстречу уже бежали каменотесы с кувалдами и кирками.

Сопка состояла из диорита—прекрасного строительного камня. Уже отесанные и оточенные глыбы его были сложены у подошвы сопки. Диорит предназначался для постройки первой насосной станции. Место для нее необходимо было выбрать возможно тщательней: на твердом грунте, который выдержал бы тяжесть громоздкой установки. Карасев долго осматривал побережье озера, закладывал в нескольких местах неглубокие шурфы, пока наконец не остановил выбора на гладкой площадке, поросшей кустиками высокой колкой голубоватой травы.

Там заложили станцию. Ее строили быстро и оживленно. На четверных носилках рабочие подносили поблескивавшие на солнце мелкими цветными кристалликами камни, укладчики подхватывали их и с дружным уханьем опускали на другие, раньше уложенные каменные плиты. Из-под камней выдавливалась серая кашица цемента и стекала вниз вялыми, скоро застывающими змейками.

Сначала был большой каменный четырехугольник, врезанный в землю. Он рос сверху уступами, как будто сам строил для себя лестницу с широкими ступенями и по ней карабкался все выше и выше. Некоторое время будущая станция казалась древней полуразрушенной крепостью с глубокими бойницами; она угрожающе смотрела на озеро. Но так было лишь один день. Стены поднимались выше, грозные бойницы превращались в самые обычные мирные окна, и скоро в них были вделаны желтые рамы.

Потом здание обросло грубым кружевом лесов, и к обычным шумам работ—стуку молотков, предостерегающим крикам, шлепкам жидкого цемента, брошен-

ного с железной лопаточки в щель между камнями,—присоединился скрип досок, по которым проходили рабочие с тяжелыми носилками.

Три пары мохноногих битогов, огромных и горячих, словно только накануне прирученных, привезли на необыкновенной телеге котел, весивший две с половиной тонны. Северный ветер рвал на людях потные рубашки, большой змеей шипел и извивался в осоке, сквозняком пронесся по степным падям и накидывался на солнце, как будто стараясь сбросить его на землю. Оно дрожало на небе, испуганное и пыльное. А люди муравьями копошились вокруг котла, залезали в него, подсовывали под него жерди и канаты, вонзались в его прыщавое чугунное тело крючьями и баграми, застыв и изогнувшись в натуге, пели то громко и весело, то тихо и сосредоточенно.

Котел долго лежал на телеге грузным неподвижным трупом. Много лопнуло канатов и сломалось досок, прежде чем песнь рабочих разбудила его. Он проснулся нехотя и, проснувшись, неуклюже как тюлень стал перекачивать с боку на бок свое толстое тело. Потом медленно приподнял тупое равнодушное рыло, несколько секунд покачал им в воздухе и снова бессильно поник, свесившись над колесом телеги. Не менее трудно было ему сдвинуть с места и свой толстый хвост. А когда он наконец зашевелился, сползая с телеги, люди бросились враспынную, и котел беспомощно, как ребенок во сне, бултыхнулся с телеги на подставленные жерди и со звоном и гудением покотился по земле, давя молодую траву.

Котел был установлен в станции, на тяжелой бетонной кладке. Над ним спешно заканчивалась крыша. Через неделю можно было уже приниматься за разбивку опытного рисового поля...

VI. Неожиданная встреча.

Ночью пришел волк. Он ходил вокруг лагеря по степи, лакал воду в осоке, прыгал через кучи досок, взбегал на ближайшую сопку и выл оттуда печально и раздражающе. Рабочие стреляли из берданок в его быструю, увертливую тень, но до самого рассвета он снова и снова

возвращался к палаткам и затягивал свою нудную песнь.

Волчий вой всю ночь не давал заснуть Карасеву. Инженер выходил из палатки и, не надеясь попасть, рассекал ночь выстрелами из браунинга.

На утро он увидел отпечатки длинных волчьих лап на песке у самой палатки и решил дать себе маленький отдых, пожертвовав этот день на охоту. В отдыхе Карасев чувствовал настоящую необходимость, так как работа по устройству насосной станции отняла у него много сил. Он стал плохо спать, и в голове у него с мучительной настойчивостью сражались между собой бесконечные ряды цифр и формул. Нужно было проветрить голову.

Дав инструкции своему помощнику, Карасев оседлал маленькую степную лошадку и поехал на ней вверх по пади.

Это был первый день, когда успокоился немного северный ветер. На дне пади было совсем тихо. Степь отдыхала. Она спокойно вздымалась пологими монотонными сопками. Карасев ехал уже час, но когда он смотрел вокруг, ему казалось, что степь все та же, что лагерь только что скрылся за ближайшим холмом. Но однообразие степи не тяготило. Наоборот, в нем было много манящего. Хотелось ехать все дальше и дальше. Когда за сопками показывался вдалеке хребет, покрытый лесом, он казался степной, огораживающей мир.

В небольшом распадке спрятался крошечный лесок березняка. Оттуда выбежал волк, ночью беспокоивший лагерь. Он, не спеша, побежал вверх по склону, изредка оглядываясь. Он видимо считал свое дело проигранным. Это был старый облезлый и голодный зверь. Карасев поднял ружье, последил за волком через мушку, но потом ему показалось нелепым это убийство и, оставив зверя продолжать свой путь, он повернул лошадь, покинул тропинку и поехал по степи.

Снова в голове у него рождались цифры и формулы. От них инженер не мог найти отдыха. Ему все казалось, что в его проекте есть какая-то неточность, что-то им пропущено.

Он задумчиво перевалил через одну гряду сопки, потом через другую и, взобравшись на вершину большой сопки,

Карасев схватился за ручку котла и попытался вытянуть его из земли.

лось еще пять километров. Вон виден пограничный знак на дальнем холме. А в стороне — дымок; это без сомнения караульный пост пограничной охраны.

Карасев слез с седла и свел лошадь под уздцы с крутого склона. Напрасно инженер разыскивал глазами признаки какого-ли-

бо жилья. Поле казалось брошенным. Карасев снова сел на лошадь и поехал потихоньку по краю поля. Вдруг он услышал сзади всплески воды, обернулся и увидел маленького бронзового полуголового человека, бежавшего к нему через поле по воде и размахивавшего руками.

где стоял обложенный камнями межевой столбик, собрался было повернуть обратно, но поднял голову и остановился в изумлении.

Под ним лежала широкая долина. Направо она уходила в озеро, которое подступало сюда глубоким заливом, налево скрывалась за большой двуглавой сопкой.

Вся эта долина была превращена кем-то в гигантскую шахматную доску. Она была разбита на равные, тщательно вымеренные квадратики. Прямые грядки черной земли отделяли их один от другого. А сами квадратики были залиты водой. Казалось долина была раньше залита водой, а потом на нее набросили огромную земляную решотку. Вода осталась лишь в просветах этой земляной решотки.

— Ведь это же рисовое поле! — воскликнул Карасев, с любопытством рассматривавший долину. — Странно, я никогда не слышал, чтобы здесь кто-нибудь сажал рис. Уж не попал ли я, чего доброго, в Китай?

Он вынул карту и ориентировался. Нет, это не Китай. До границы остава-

VII. «Земля кушай хоть».

Фу-Хэ рассказал Карасеву свою историю. Он жил всегда в Китае. Там и сейчас, в предместье большого города, осталась его семья. Поезда привозили в большой город много путешественников. Фу-Хэ ждал их у вокзала и за несколько крошечных монет относил их тяжелые чемоданы в гостиницу. Он жил в маленькой вонючей глиняной фанзе. Около фанзы была свалка нечистот, и дети Фу-Хэ копошились в ней, разыскивая себе среди мусора что-нибудь съедобное. В фанзе жило несколько семей.

Фу-Хэ захотел жить лучше. Вместе с другими кули пошел он по улице города с плакатами, на которых было написано: «Мы хотим быть сытыми». За эти плакаты их разогнали палками и плетками. И

за эту же надпись никто не давал больше работы Фу-Хэ. Он мог умирать с голоду.

Тогда он решил перебежать в СССР. «Зеленый начальник» разрешил ему жить здесь и сажать рис. Этот маленький кореец, судя по его рассказу, проделывал тут один с чисто восточной настойчивостью нечеловеческую работу.

По пади протекала речка. Фу-Хэ построил земляную запруду поперек всей долины и стал ждать, пока вода затопит его поле. Через месяц сильный ливень снес плотину. Фу-Хэ построил ее снова. Вода набралась было, но нашла где-то лазейку и ушла вся. Фу-Хэ построил плотину в третий раз, но наступила зима; кореец перебрался обратно через границу, в Китай, и прожил там до весны в постоянном страхе, что его арестуют и отрежут голову. А весной, вернувшись на свое поле, он нашел его полным водой. Рис для посева он принес на спине. Он где-то украл его.

Теперь Фу-Хэ—«сам хозяин». Он уже снял один урожай, «зеленый начальник» прислал за ним лошадей и заплатил ему много-много денег. Про «зеленого начальника» кореец говорил:

— Шибко хороший начальник. Его знай: Китай худой земля есть. Моя мало-мало рису позволяй кушать...

Карасеву не верилось, что один человек мог проделать такую колоссальную работу. Чем питался кореец? Горсть риса в день, несколько кореньев, немного рыбы. Как работал? С восхода до заката, всегда в воде, дыша сырым затхлым воздухом. Где жил? В землянке, в которой он, несмотря на свой маленький рост, целиком не помещался.

— Моя ноги мало-мало гуляй всегда.

Внезапная догадка мелькнула в голове Карасева.

— Ты в Китае часто бываешь?—спросил он корейца.

Фу-Хэ испуганно взглянул на инженера и залопотал быстро-быстро, путая русские слова с китайскими:

— Нету, нету... Китая ходи нету! Максымыка шибко худой есть... Максымыка говорит—врет... Его верь нету.

Карасев улыбнулся. Он понял, что это поле было устроено не без помощи Максима, а может быть и других контра-

бандистов, которым нужен был кореец. Фу-Хэ ходил через границу, пронесил контрабандные товары, передавал их Максиму, а тот сбывал их в ближайшем городе. С такой эксплуатацией «желтых» переселенцев контрабандистами на Дальнем Востоке Карасеву приходилось встречаться не раз. Обычный прием: помочь пустяком в хозяйстве и тем самым сделать китайца или корейца своим неоплатным должником. Конечно, закабаленного обманом Фу-Хэ нельзя было считать преступником.

Карасев хотел уже возвращаться, как вдруг взгляд его упал на странный металлический предмет, торчавший из земли у самых ног лошади.

— Это что такое?—спросил инженер.

Кореец заволновался.

— Котела... Котела... Земля кушай хоти—котела проглоти!

Карасев уставился на него.

— Что ты болтаешь? Как может земля кушать хотеть?—а сам уже слезал с лошади и хмурился от внезапно возникшего предположения.

Да, из земли торчала железная закопченная ручка от котла. Первым движением инженера было схватиться за нее и попытаться вытянуть из земли. Ручка не подалась.

— Ты сам закопал котел в землю?—крикнул он корейцу.

Но раньше, чем тот ответил, инженер уже знал, что это не так. Он почувствовал под ногами еле заметную упругость земли. Карасев сделал несколько шагов, сильно надавливая на каблучки. Земля пружинила под ним; она чуть-чуть опускалась, когда он давил на нее, и снова поднималась, когда он шел дальше. Но эта податливость земли не была похожа на ту, которая характерна для трясин. Там ясно чувствуешь, что идешь по тонкому пласту земли, плавающему на воде, и, когда подпрыгнешь, земля на многие метры вокруг дрожит как студень. Здесь же земля была как каучук. Она прогибалась только под ногой, а в нескольких сантиметрах оставалась твердой и неподвижной. Карасеву приходилось иметь дело с подобным явлением в низовьях Амура, но он никак не ожидал, что в районе его работ, на такой низкой широте, встретит то же самое.

— Давно так начал тонуть котел? — озабоченно спросил он.

— Четыре дня... — прошептал Фу-Хэ, видимо порядочно трусивший перед непонятной прозорливостью земли.

— Сразу тонет?

— Один ночь! Моя вчера рису вари — кушай, котел оставь... Утром работа начинай, котела земля кушай.

Карасев посмотрел на небо.

— Так и есть: солнечная сторона.

Инженер провел на поле корейца несколько часов. Он ходил взад и вперед, как будто измерял что-то, щупал землю каблуками, снова и снова пробовал вытаскивать увязший в сухой земле котел и что-то записывал у себя в книжке. И чем дальше, тем сумрачней и озабоченней становилось его лицо. Не слушая причитаний корейца, он молча сел на лошадь и тронулся в обратный путь, задумчиво опустив голову.

— Неужели там тоже? — спрашивал он себя. — Вот так предварительные исследования Кругликова! Мы тоже копали шурфы. Но ведь это всего-навсего полтора метра, а глужеж?

Он пожимал плечами.

Небо натягивало на свое мягкое голубое тело лохмотья туч.

Снова поднимался ветер.

VIII. Пал идет.

В лагере было тихо. Большинство уже спали, и только Алексей и еще несколько человек поджидали у костра возвращения Карасева. Его задержка беспокоила Алексея: он часто отходил от костра и вглядывался в темноту, надеясь рассмотреть на вершине сопки силуэт всадника. По небу растрепанными птицами мчались облака, и среди них кувыркалась, крутилась и прыгала луна. Тучи хотели захватить ее с собой, но она вырывалась. Когда луна показывалась из-за туч, степь освещалась тусклым бесцветным мерцанием. Она казалась встревоженной и настороженной. Ветер неистовствовал в осоке. Ждали грозы.

Алексей сильно устал после дневной работы и решил больше не ждать Карасева. В последний раз он поднялся на склон сопки и осмотрелся. Случайно, когда на секунду показалась луна, молодой

человек стоял лицом к избушке Максима. Точно освещенная молнией перед Алексеем возникла картина, успевшая, прежде чем потухнуть, крепко врезаться ему в память.

Он увидел узкую косу, поросшую осокой, лодку, вытащенную на берег, убогое жилье Максима и развешанные сети. Вокруг хижины вся осока была повыдернута на несколько метров, а трава старательно притоптана. Сначала Алексею это показалось странным. Он никогда прежде не замечал такого двора вокруг хижины Максима. Но уже в следующий момент внимание Алексея было привлечено к маленькой тени, вдруг шмыгнувшей из избы к осоке, стоявшей там в нерешительности и потом быстро скрывающейся за углом. Смутное подозрение шевельнулось в голове Алексея, но, подумав, он решил, что собственно ничего необычного не видел. Он пошел к себе в палатку и скоро уже спал.

Рабочие, оставшиеся дежурить у костра, тихо разговаривали друг с другом. То один, то другой клевали носом. Товарищи его подталкивали, он встряхивался и шел за щепками для костра.

Вдруг один из сидевших поднял голову и тревожно потянул носом воздух. Потом встал и начал осматриваться. Снова понюхал воздух. И вдруг, увидев что-то, испуганно закричал:

— Ребята! Пал идет!

Разом все вскочили на ноги. И увидели, что где-то около хижины Максима бегают по земле красные зверьки, шустрые, суетливые, прячутся в осоке, догоняют друг друга и снова разбегаются по степи. Эти зверьки затеяли нето игру, нето драку между собой.

Кто-то кричит:

— Товарищи! Мы под ветром!

Один рабочий хватает ведро и бьет в него чуркой. Другой пронзительно свистит, засунув в рот пальцы. Третий бежит по палаткам, будит всех и торопит:

— Товарищи! Степь горит! Скорей! Траву рвать, товарищи! Пал идет! Живей, живей!

Первым выскакивает из палатки Алексей. Один за другим поодиночке подбегают к костру рабочие. Как только они узнают что случилось — сна как не бывало. Все знают, что делать. Приказа-

ний не ждут. Рассыпавшись в цепь, рабочие набрасываются на траву, словно она ведет наступление на лагерь. Они ползают на коленях, перебегают с места на место и, хватая кустики травы, вырывают ее и кидают вперед.

Красные зверьки становятся все суетливой и беспокойней. Они насканивают один на другого, обдают друг друга брызгами кровавой слюны и возятся, возятся в траве, как не в меру разыгравшиеся котята. Но скоро зверьков становится меньше: большие проглатывают маленьких. Из-за озера идет ветер. И под ним красные зверьки вскидываются на дыбы и вдруг стремительно и чудовищно вырастают. Они превращаются в гигантские огненные столбы, красные смерчи, которые, колеблясь и извиваясь, идут над степью прямо к лагерю. Обогнавший их ветер доносит до людей жаркое удушливое дыхание огня и хрусткий шум его поступи.

И люди, осажденные огнем, мечутся перед палатками и, до крови рассекая руки, хватают острую жесткую траву и рвут ее, рвут, потому что в этом—единственное спасение от степного пала.

Дым затягивает небо. Тучи становятся еще мрачней, еще лохматей, а луна словно скрылась за запотелое стекло. Степь превращается в черный провал. Тьму прорывает огонь. Он кажется теперь странным безумным существом в красном балахоне. Существо прыгает, размахивает руками, припадает к земле, а потом вдруг вырастает так, будто хочет слизнуть с неба тучи. Оно падает на землю, вытягивается во весь рост от сопков до озера и быстро катится по земле к палаткам.

Алексею показалось, что огонь приближается скорей, чем они очищают от травы степь вокруг лагеря. Через каких-нибудь десять минут пламя подойдет вплотную. Внезапно ему приходит в голову, что можно облегчить защиту от огня, если охранять только палатки. С недостроенной же станцией все равно не случится особой беды. Она вся каменная, внутри деревянных частей нет, и могут обгореть только рамы. Спотыкаясь о наваленные везде доски, Алексей бежит к станции, отдает приказание, и люди смыкаются вокруг палаток.

Из тьмы стремительно кто-то влетает в лагерь. Прежде чем люди успевают разглядеть лошадь и человека на ней, Карасев оказывается среди них. Взмыленная лошадь стоит с вытянутой шеей, смотрит в землю стеклянными глазами и быстро-быстро дышит. Одним взглядом Карасев оценивает положение. Он бежит к остальным, и сам принимается с ожесточением рвать колочую траву. Но сейчас же вскакивает на ноги, смотрит в сторону станции, и страх появляется на его лице.

— Товарищи!—кричит он.—Огонь не должен подойти к станции! Здесь мерзлота!

Вряд ли кто-нибудь соображает, какая связь между пожаром и мерзлотой. Но, видя, что инженер бежит уже, перепрыгивая через рытвины и бревна, к станции, многие кидаются за ним...

В продолжение двух часов люди мечутся в лагере, осажденном степным пожаром. Пламя пожирало степь. Оно посылает вперед разведчиков, которые ползком по осок подбираются к палаткам и, вдруг нащупав кучу стружек или брошенный ящик, набрасываются на добычу и глотают ее. Но они сами погибают здесь же. Рабочие нападают на них с прутьями, с мешками, с ведрами песку и воды—и побеждают. В то время как одни рвут траву и вытаптывают место перед лагерем, другие бегут навстречу огню и чуть не из самой его пасти спасают то телегу, то небрежно оставленные кем-то инструменты, то бочку с машинным маслом.

Главные силы огня подошли к лагерю, когда вокруг него была уже очищена большая площадка. Огонь приблизился не спеша, в сознании своей силы, и остановился перед лагерем, насмешливо дергаясь и извиваясь. Он обжигал на расстоянии нескольких шагов, и измученные люди с воспаленными глазами, израненными пальцами, в ободранной одежде должны были отступить. Они столпились у палатки и молча устало смотрели на огонь, медленно окружавший их. Многие в изнеможении садились на землю. Казалось, лагерь был обложен десятком костров. Некоторые из них горели высоким ярким пламенем, раскидывая искры, и слышно было, как трещит в них. Поги-